

Неразрешенное

(16).06.02

Рос. муз. газета - 2002 - № 6 - с. 5

"ЕЩЕ БОЛЬШЕ!"

Честно сказать, я обычно избегаю писать рецензии на концерты юных музыкантов, поскольку дело это весьма щекотливое и трудное. Зрелость, законченность, совершенство исполнения тут зачастую оказываются величинами скорее мнимыми. Речь, понятно, о том, что в подобных случаях мы иногда имеем дело с одаренным, но натасканным ребенком, достаточно точно и совершенно излагающим чужие идеи, чужие эмоции, демонстрирующим некую сконструированную и тщательно загримированную чужую зрелость мысли - привнесенной извне, а не выстраданной им самим. Очень редко сталкиваясь с юным музыкантом, способным выразить на эстраде что-то свое, присущее его собственной личности, а не личности его педагогов. Мне кажется, - ибо утверждать что-либо в таких случаях было бы самонадеянностью, - что на концерте Алексея Кудряшова мы столкнулись как раз с таким редким случаем. Его сольное выступление, состоявшееся 26 мая в Рахманиновском зале при полном аншлаге, заставило меня поверить, что этому 14-летнему музыканту есть что сказать, хотя очень боль-

шая доля успеха, конечно, должна быть отнесена по адресу его педагога Ольги Алексеевны Груздевой. Алеша - наследник очень знаменитой музыкальной семьи: он внук И. И. и Л. Н. Наумовых. Родители Алеши - тоже музыканты, и поэтому в его будущей биографии наверняка будет сказано, что с детства он был плотно окружен музыкой. Поскольку я сам в прошлом был учеником его бабушки и деда, то, конечно, уловил некоторые наумовские "корни" в его игре и особенно в той особенной теплоте и сердечности, которые уже несколько поколений отличают школу, восходящую к великому Г. Г. Нейгаузу. При этом следует отметить, что своей манерой поведения на эстраде он на Л. Н. Наумова совершенно не похож. А если чем-то и похож, то заметной остротой экспрессии, стремлением к созданию постоянного интонационного напряжения. И все же, несмотря на все эти очевидные семейные "гены", несмотря на то, что, как хорошо известно, О. А. Груздева - человек громадной творческой энергии и большого педагогического таланта (мне довелось раньше слышать нескольких ее замечательных учеников), несмотря на все эти оче-

видные биографические и "биологические" факты, я почувствовал в игре Алеши - пусть не во всех сочинениях в равной мере - рождающуюся самостоятельную личность, которая - где более робко, где более смело и настойчиво - уже заявляет о себе, о своих притязаниях на собственное видение исполняемой музыки. Сильнее всего и больше всего это было, пожалуй, в лирических и в лирико-драматических эпизодах программы, например, в "Венском карнавале" Шумана особенно запомнились "Романс" и еще более - Интермеццо. Здесь также нельзя не отметить блестяще сыгранный труднейший финал. Местами игра Алеши заставляла даже вспомнить гениальную трактовку С. Рихтера, возможно, оказавшую на Алешу определенное влияние. По-настоящему проникновенно и к тому же очень естественно, без всяких преувеличений в выразительности прозвучали на концерте произведения Скрябина. Я бы отметил в этой связи Ноктюрн op. 5, fis moll, две Прелюдии (gis moll, H dur) из op. 22 и очень впечатляюще - и в виртуозном и звуковом отношении - сыгранный знаменитый Этюд op. 8 № 12. Помимо перечисленных сочинений в обширную программу, достой-

ную зрелого пианиста (хотя речь идет лишь о концерте выпускника музыкальной школы) входили Прелюдия и фуга Баха b moll (из первого тома ХТК), труднейшая и весьма неблагодарная в пианистическом отношении Соната-фантазия Бетховена op. 27 № 1, Es dur, а также сюита Дебюсси "Эстампы" - здесь особенно хотелось бы выделить "Вечер в Гренаде", где Алеша продемонстрировал очень выразительную звуковую пластику, столь трудную для любого - а тем более столь юного - исполнителя музыки Дебюсси. На бис прозвучали "Посвящение" Шумана-Листа и Прелюдия gis moll Шопена. Насколько мне известно, Алеша поступает в этом году в МГУМИ имени Шопена в класс своего деда, Л. Н. Наумова. И я уверен, что он займет достойное место среди ярких учеников, которыми богат класс нашего выдающегося педагога. Единственное, чего хотелось бы пожелать Алеше в качестве напутствия, так это большей артистической смелости. В этой связи вспоминается одна фраза С. Рихтера, которую он - вместо какого-то анализа или каких-то объяснений - зачастую адресовал на репетициях своим партнерам в различных ансамблях: "Еще больше!"

Андрей Хитрук